

На правах рукописи

Саркисян Лала Рубиковна

**Юридические фикции:
логико-доктринальный анализ**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре теории права и государства юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов».

Научный руководитель:

Власенко Николай Александрович,

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов».

Официальные оппоненты:

Давыдова Марина Леонидовна,

доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета.

Минникес Илья Анисимович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Российской правовой академии Минюста России.

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»**»

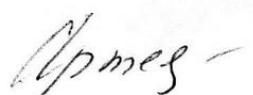
Защита диссертации состоится « 19 » сентября 2018 г. в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 212.203.36 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Электронная версия автореферата диссертации размещена на сайте ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: <http://dissovet.rudn.ru>; отправлена на сайт ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по адресу: <http://vak2.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.203.36
кандидат юридических наук, доцент

Ю.А. Артемьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью повышения качества российского законодательства в период развития национальной правовой системы. Такая ситуация, безусловно, стимулирует интерес к различным аспектам юридической техники. Не случайно появление научных работ, направленных на рассмотрение природы, особенностей и функций правовых презумпций, юридических конструкций, правовых символов, оговорок в нормативно-правовых актах и, конечно, правовых фикций.

Их изучение в настоящее время опирается на труды отечественных и зарубежных авторов XIX – начала XX вв., теоретико-правовые и отраслевые наработки советского периода, авторы которых, обычно, выделяют и рассматривают какие-либо отдельные вопросы теории и практики использования фикций в праве, однако они не предлагают комплексного, системного анализа этих нетипичных нормативных предписаний. В этом плане стоит выделить теоретико-правовые исследования юридических фикций постсоветского периода, в которых не только дано критическое осмысление предыдущего опыта их изучения, но и в новом методологическом ракурсе выявлены современные проблемы фикций в социально-правовом пространстве, предложены варианты их решения.

Юридические фикции активно использовались в различных моделях западноевропейских правовых систем. Устойчивый характер юридических фикций во многом объясняется их особой (в механизме правового регулирования) ролью, которая проявляется, в частности, в случае противоречия в конкретном правовом отношении юридической нормы и реальной действительности, когда правоприменителю необходимо правовыми средствами преодолеть ситуацию невосполнимой неизвестности, которая препятствует принятию юридического решения. Причем, это только один (правда, чаще всего изучаемый) аспект юридических фикций, замыкающийся, прежде всего, на специфику и результаты использования одноименного метода при формировании юридических норм.

В настоящее время можно говорить о динамике в развитии отечественной теории юридических фикций, но в то же время следует заметить, что эвристически и практически значимых результатов на этом пути возможно добиться лишь расширяя теоретико-методологическую основу такого рода правовых исследований, выходя за рамки привычных схем и принципов в широкое философско-правовое, социологически-правовое поле, ориентируясь на сложившиеся плюралистические основания правового познания, филиацию правовых идей.

В этом плане, нельзя недооценивать теоретическую и практическую значимость западного теоретико-правового и философско-правового наследия в области юридических фикций. Анализ, научное комментирование и критическая оценка ключевых положений «правового фикциализма», содержащихся в трудах ведущих специалистов Западной Европы и США XIX-XX вв. позволит расширить проблемно-познавательную базу в этой сфере российской правовой науки и теории юридической техники, в частности.

Состояние научной разработанности темы. На проблему юридических фикций в механизме правового регулирования в целом, а также их специфику в разных типах правовых систем и, в том числе и в российском праве, обратили внимание еще в XIX – начале XX веков. В частности, в рамках отечественного правоведения монографические исследования этой категории посвятили Л.Л. Герваген, Д.И. Мейер, Г.Ф. Дормидонтов, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Н.В. Суворов, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич и др.

В западной правовой традиции первыми на «законом установленную фикцию» обратили внимание глоссаторы, которые называли корпорацию «лицом», причем, применили это название к церкви. Именно в рамках школы глоссаторов и позже (в период постглоссаторов) утверждается отличие собственно правовой категории «лица» от имеющего место, «фактического понятия о человеке», с чего, собственно, и начинается учение о фикциях в праве. В отношении же фикций в римском праве между российскими и зарубежными правоведами конца XIX-начала XX вв. имеет место дискуссия о справедливости признания

этих нетипичных нормативных предписаний в качестве средств древнеримской юридической техники (Г. Дернбург, Н.Л. Дювернуа, В.Б. Ельяшевич, И.А. Покровский и др.).

В советский период развития отечественной правовой науки проблеме юридических фикций не уделялось должного внимания. В трудах В.К.Бабаева, В.М. Баранова, В.М. Горшенева В.И. Каминской, Н.Г. Романенко, М.С. Строговича и В.Б. Исакова, Р.О. Халфиной выделялись и анализировались лишь отдельные (в том числе, и отраслевые) аспекты правовых фикций, причем, в контексте их соотношения с юридическими презумпциями, правовыми принципами и аксиомами, а также в рамках решения такого сложного вопроса, как поиск критериев истинности норм советского права.

В постсоветский период изучение юридических фикций на монографическом, диссертационном уровне, а также в научной периодике провели Т.В. Кашанина, М.Л. Давыдова, Е.А. Джазоян, О.А.Курсова, Е.Ю. Марохин, Н.А.Никиташина, К.К.Панько, И.В.Филимонова, А.М. Ширвиндт, В.Ю. Чуфаров и другие. В целом, эти исследования обобщают наработки предшествующего периода и предлагают критическую оценку ряда сформулированных дореволюционными и советскими авторами теоретических положений.

Особо следует отметить сложившуюся в Западной Европе и США во второй половине XIX- XX вв. школу теоретико-методологического и философско-правового осмысления юридических фикций, бесспорными лидерами которой стали Дж. Бейкер, П. Биркс, Б. Виндшейд, Г. Демелиус, Р. Иеринг, Э. Моглен, Л. Тракман и др. Однако наиболее оригинальные позиции к пониманию сущности и видов юридических фикций, по мнению диссертанта, принадлежат Г. Файхингеру и Л. Фуллеру. Их работы (что очевидно) еще не получили в российской юридической науке адекватной научной интерпретации и поэтому нуждаются в отдельном рассмотрении и системной оценке.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, регулируемые с помощью юридической фикции.

Предметом диссертационного исследования является доктринальное обоснование юридических фикций в российской, европейской и североамериканской правовых традициях.

Целью диссертационного исследования является выявление и теоретическое осмысление сущности и специфики юридических фикций в правовом пространстве, а также выявление особенностей использования юридических фикций в современном российском, европейском и североамериканском законодательстве и правоприменительной практике.

Поставленная цель достигалась путем решения следующих **задач**:

-выяснить логико-языковое содержание понятия фиктивности, роль и формы проявления фикции в общественной практике;

-систематизировать основные направления интерпретации природы юридических фикций в юриспруденции;

-определить особенности методологии изучения юридических фикций в современном правоведении, место и роль сравнительно-правового метода в их исследовании;

-выявить основные этапы эволюции отечественных доктринальных представлений о юридических фикциях, особенности каждого из этапов этой эволюции;

-охарактеризовать особенности толкования фикций в романо-германской системе права;

-дать теоретическую оценку особенностям понимания фикций в системе общего права.

Методологическая и теоретическая основы диссертационного исследования. Исследование опирается на диалектико-материалистический метод познания правовой действительности, а также на ставшее традиционным использование логического и исторического способов осмысления юридических и государственно-правовых явлений. На применении этих методов основан такой перспективный с позиции первоочередных целей развития современного отечественного правоведения методологический подход к изучению в том чис-

ле и юридических фикций, в рамках которой логические и прагматические основания любого правового института, юридической конструкции и др. соотносятся с историческим, социокультурным и доктринальным (научным, философским) контекстами.

Среди применяемых в диссертации частнонаучных и специальных методы изучения юридических фикций следует выделить сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, системный, функциональный и др.

Кроме этого, **теоретическую базу исследования** составили научные разработки и достижения в области теории права, теории юридической техники, философии права, полученные российскими и иностранными исследователями в монографических и диссертационных работах, научных статьях и докладах

Нормативно-правовую основу диссертационного исследования составляют ряд российских нормативно-правовых актов, в которых использованы такие юридико-технические приемы, как юридические фикции, а также отдельные отрасли законодательства Англии, Германии, Франции, США и других западных государств, развивающиеся еще с эпохи позднего Средневековья по настоящее время и включающие различные виды юридических фикций.

Источниковедческую базу диссертации составляют теоретико-правовые и философско-правовые произведения ведущих российских и зарубежных специалистов в области юридической техники и теории юридических фикций. При написании диссертационного исследования были использованы зарубежные монографические исследования и научные статьи, ранее не переведенные на русский язык.

Научная новизна диссертационного исследования:

- обосновывается, что содержанием понятия фиктивности как логико-языковой конструкции, основанной на гипостазировании, а также особенности, роли и формы фикции в общественной практике и в сфере нормативного регулирования общественных отношений; показано, что применение фикций в обыденной жизни и специальной деятельности (научном познании, регулиро-

вании общественных отношений) является приемом мышления преодолевающего противоречия, связанные как с невозможностью выразить обычными средствами мысль, эмоциональное состояние, так с невозможностью в контексте сложившегося концептуального аппарата той или иной науки интерпретировать природу явления, систематизировать знание, так и с невозможностью регулировать общественные отношения в контексте имеющихся нормативных средств;

- систематизированы основные направления интерпретации природы юридических фикций в юриспруденции, определены качественные и количественные критерии классификации методологических подходов к определению их юридической природы, особенности и значение в современной теории юридических фикций: узкого подхода (интерпретирующего юридическую фикцию как прием юридической техники, или несуществующий факт, имеющий соответствующие юридические последствия), широкого подхода (отождествляющего юридическую фикцию с юридическим фактом, интерпретирующего ее использование в нормотворческой и правоприменительной практике), нормативного подхода (обобщающего частные проявления юридической фикции в форме нормативного определения, ограничивающего интерпретацию этого явления исключительно юридической природой);

- дана оценка методологии изучения юридических фикций в современном правоведении, выявлена методологическая сущность сравнительно-правового подхода, его роль в развитии теории юридических фикций, который в качестве методологического средства, позволяющего не только выяснить специфику применения юридической фикции в различных правовых системах, но и установить универсальную природу этого явления, его сущность и формы проявления в юридической практике;

- выявлены концептуальные методологические особенности исторической эволюции теории юридических фикций в отечественном правоведении, основные этапы этой эволюции, система факторов обуславливавших специфику классического, советского и современного периодов, преемственность в эволю-

ции отечественной правовой фикциологии и ее основной результат, состоящий в признании таких признаков юридической фикции, как условность, неопровержимость, универсальность, взаимогенерируемость, наличие цели применения, формальность, произвольность, исключительность, ограничительный характер толкования, очевидность, легальность, фактичность;

- охарактеризованы особенности толкования фикций в романо-германской системе права, определена роль правовой концепции Р. Иеринга, Г. Кельзена, философии права Г. Файхингера в эволюции доктринальных представлений о юридической фикции, концептуализации логического и социально-философского подходов к ее интерпретации, значения юридико-технического, аксиологического, социально-психологического и ментального аспектов в юридической логике без экзистенциальных предпосылок, рассматривающей это явление как универсальный логический прием, характерный для всех сфер познания и деятельности;

- дана теоретическая оценка эвристической методологии интерпретации фикций в системе общего права, как теории выражающей особенности их функционирования в правоприменительной практике, где фикция является утверждением факта, обстоятельства, фиктивный характер которого очевиден, что является основной отличительной особенностью понимания и применения фикций в этой системе права.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фиктивность представляет собой проявление гипостазирования, лежащего в основе таких логико-языковых конструкций, как аноматоиды (мнимые понятия), где суждения их включающие выступают в качестве общей посылки умозаключения. Специфически проявляясь в разных сферах общественной практики, в языке фиктивное выражается посредством предложения, включающего (или подразумевающего) языковую конструкцию «как если бы...», формирующего фикцию как инструмент мысли и деятельности, регулирования общественных отношений. В сфере регулирования общественных отношений логической формой фикции является суждение – утверждение о су-

уществовании неких жизненных обстоятельств, которые на самом деле не существуют, с целью создать фактическую базу для применения соответствующей нормы, либо для формулирования соответствующего правила поведения.

2. Установлено, что в контексте сложившихся доктринальных подходов к интерпретации природы и функций юридической фикции наибольшей эвристической значимостью обладает нормативный подход, рассматривающий ее как положение императивного характера, благодаря ее официальному признанию и закреплению в законодательстве. Нормативный подход позволяет выделить существенные компоненты юридической фикции – социальный, юридический и технико-юридический, систематизируя знания в этой сфере. В социальном контексте юридическая фикция порождается ситуацией невосполнимой неизвестности, в юридическом - правовой неопределенностью, требующей восполнения недостающих звеньев в правовом регулировании общественных отношений, в технико-юридическом – в конструировании формальных юридических условий, позволяющих преодолеть формализм права, обеспечивая реализацию его цели в условиях невосполнимой неизвестности.

3. Обосновано, что использование сравнительно-правового метода в изучении юридической фикции средствами фундаментальной правовой теории имеет эвристическое значение в контексте решения следующих задач: выявление положительного и отрицательного опыта, который можно применить в юридической практике своей страны посредством изучения применения юридических фикций в правовых системах; выяснении универсального содержания юридической фикции посредством сопоставления ее особенных проявлений в соответствующей правовой системе.

4. Доказано, что существует три основных этапа эволюции доктрины юридических фикций в российском правоведении: классический, советский и современный. Основным результатом классического периода является отказ от широкого толкования юридической фикции как приема мышления и утверждение ее логико-правовой природы как приема юридической техники. Особенностью советского периода является доминирование инструменталистской

концепции юридической фикции как приема юридической техники, что оказало значительное влияние на развитие теории юридической фикции в современный период. Особенностью исследования юридических фикций в современный период заключаются в поиске общих оснований этого юридического явления, выработке новых методологических средств анализа, в стремлении сформулировать общий интегрирующий подход к определению их юридической природы, позволяющий раскрыть закономерности их возникновения и функционирования в различных отраслях права.

5. Установлено, что толкование фикций в романо-германской системе права связано не только с анализом их юридико-технических характеристик, но и с аксиологическими, социально-психологическими и ментальными аспектами. Главной особенностью интерпретации юридических фикций в романо-германской системе права является эвристическая методология, предписывающая, что для юридического разрешения реальных проблем в национальной правовой жизни, на законодательном уровне обосновывается возможность использования утверждений о «признании нереальных (а в рамках классической теории истины – ложных) фактов» в качестве существующих и истинных, в целях подготовки «правильного» (и в материально-правовом, и в процессуально-правовом аспектах) правового решения конкретной проблемы.

6. Согласно доктринальным представлениям, доминирующим в системе общего права, логико-семантической предпосылкой применения юридических фикций является неопределенность юридических понятий, затрудняющих применение критерия истинности/ложности. Поэтому доминирующее значение имеет положение о том, что юридические фикции являются методом построения эвристически важных общих теоретических понятий, таких как, «правовая семья», «юридическое лицо», «государственность», «законность», «формальный состав преступления», «абсолютные правовые отношения» и др., восполняющих логико-понятийные пробелы явлений, включенных не только в правовое познание, но и в национальную правовую систему, глобальное правовое пространство.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования её основных результатов и выводов в различных видах юридической практики: правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной. Кроме этого, материалы диссертационного исследования также могут применяться при чтении учебных курсов по теории государства и права, юридической техники, истории политических и правовых учений, сравнительному правоведению, философии и социологии права, юридической антропологии, а также при проведении дальнейших исследований по соответствующей тематике бакалаврами, магистрантами и аспирантами юридических вузов и факультетов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 35 научных публикациях, в том числе в 6 научных статьях, опубликованных в журналах из Перечня ВАК РФ, а также обсуждались на Международных межвузовских научно- практических конференциях и «круглых столах»: Международная межвузовская научно- практическая конференция молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права МГЮА им. О.Е.Кутафина» (Москва,2010); «XI научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы российской правовой политики»» (Таганрог,2010); Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2010); «Международная научно-практическая конференция «Правовые презумпции: теория, практика, техника» (Нижний Новгород, 2010); X Неделя науки в РЮИ МВД (Ростов-на-Дону, 2010г); Студенческая научная конференция в ЮФУ (Ростов-на-Дону, 2010г); «XII научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы российской правовой политики»» (Таганрог,2011); Международная студенческая научная конференция: «Правовые стимулы и препятствия научно-технического развития, инноваций и модернизации экономики» iSLaCo (С.Петербург, 2011); Международная межвузовская научно- практическая кон-

ференция молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права МГЮА им. О.Е.Кутафина» (Москва,2011); V Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы законодательства и права» СКФ РПА Министерства Юстиции РФ, (Махачкала,2011); Всероссийская конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы и перспективы развития экономики и права России на современном этапе» (Кизляр, 2011); Международная научно-практическая конференция «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине» (Нижний Новгород, 2012); XIII научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. «Актуальные проблемы российской правовой политики» (Таганрог,2012); VII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы правовой науки» (Махачкала, 2012); Международный молодежный научный форум «Ломоносов» (Москва, 2012); XIII Научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы психологии, филологии и межкультурной коммуникации» (Таганрог,2012); Международная научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Управление политико-правовыми и социально-экономическими процессами в регионах» (Пятигорск,2012); Международный молодежный юридический конгресс «Правовая политика в XXI веке: государственный и частный интерес в праве» (Махачкала, 2013); Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Межсистемные и межотраслевые связи в правовой сфере» (Казань,2013); Международная научная конференция «Юридическая наука и развитие российского законодательства в условиях модернизации» (Махачкала,2013); XIV научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы российской правовой политики» (Таганрог,2013); Международная научно-практическая конференция «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника» (Нижний Новгород, 2013); II международный молодежный юридический конгресс «Конституция РФ основа правовой системы России» (Махачкала,2014); Междуна-

родная научно-практическая конференция «Правовая политика российского государства в XXI веке» (Владивосток, 2014); Всероссийская научная студенческая конференция «Право. Общество. Государство: вопросы теории и истории» (Москва, 2015); Международный молодежный научный форум «Ломоносов» (Москва, 2015); Международный молодежный юридический конгресс. «Модернизация права: особенности, средства и пути» (Махачкала, 2015); XVII Международный научно-практический форум «Юртехнетика» в формате «круглого стола» и в жанре дискуссионного клуба на тему «Законотворческая, интерпретационная, правоприменительная техника в контексте культуры и межкультурной коммуникации» (Нижний Новгород, 2015); Всероссийская научная конференция Жидковские чтения (Москва, 2016); XVIII ежегодный Международный научно-практический форум «Юртехника» в формате «круглого стола» и в жанре дискуссионного клуба на тему «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления» (Нижний Новгород, 2016).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются объект и предмет диссертационного исследования, формулируется научная новизна, положения, выносимые на защиту, определяется степень разработанности темы диссертационного исследования, описывается используемая в нем методология, формы апробации.

В первой главе «Методологические основания исследования фикций», состоящей из трех параграфов, рассматривается логико-языковое содержание понятия фиктивности, роль и формы проявления фикции в общественной практике, основные направления интерпретации природы юридических фикций в юриспруденции, особенности методологии изучения юридических

фикций в современном правоведении, место и роль сравнительно-правового метода в их исследовании.

Первый параграф «Понятие фиктивности в логике и языке. Фикции в общественной практике» посвящен выяснению содержания понятия фиктивности как логико-языковой конструкции, роли и форм фикций в общественной практике, сфере нормативного регулирования общественных отношений.

Обращаясь к семантическому анализу термина «фикция», указывается, что на уровне словоупотребления этот термин, неся в основном негативный оттенок, имеет противоречивое употребление, когда с явлением фиктивности связываются не только ложь и обман, но вполне легальные действия. В русском языке укоренились такие явления и обозначающие их понятия, как фиктивный брак, усыновление и пр., то есть, такого рода явления, которые могут рассматриваться как намеренное искажение существующего положения дел, не имея при этом негативного оттенка. Так, необходимо исходить из понимания фиктивности, которое отражает реальную практику познания действительности, ее отражение в мысли, научных теориях, художественном творчестве, мировоззрении, являясь существенным инструментом деятельности и общественной практики.

В связи с этим, эвристически значимым является логико-языковое изучение фиктивности, в контексте которого она рассматривается как прескриптивная форма передачи информации (А.Ф. Черданцев, А.А. Ивин), что в логике характеризуется деонтической модальностью суждений, когда высказывания имеют не гносеологическое, а прагматическое значение, выражаемое в эффективности, необходимости тех или иных предписаний для достижения соответствующего положения вещей. Однако как логико-языковой феномен фиктивность обусловлена особенностями таких понятий-имен как общие мнимые понятия – аноматоиды (В.И. Курбатов), не имеющие денотата, а их применение как понятий с реальным содержанием (гипостазирование) является логико-языковой формой фиктивности (Н.И. Кондаков).

В результате анализа формируется вывод о том, что явление фиктивности представляет собой частный случай проявления гипостазирования, лежащего в основе таких логико-языковых конструкций как мнимые понятия, суждения, в которых они выражают субъект и умозаключений, где подобные суждения выступают в качестве общей посылки. В языке фиктивное выражается посредством предложения, включающего (или подразумевающего) языковую конструкцию «как если бы...». Фиктивность является субъективной характеристикой отражения действительности, свидетельствуя о неизбежности фиктивности в нашей жизни, приобретая положительное и отрицательное значения. Применение фикций в обыденной жизни и специальной деятельности (научном познании, регулировании общественных отношений) является приемом мышления преодолевающего некоторые противоречия, связанные как с невозможностью выразить обычными средствами мысль, эмоциональное состояние, так с невозможностью в контексте сложившегося концептуального аппарата той или иной науки интерпретировать природу явления, систематизировать знание, так и с невозможностью регулировать общественные отношения в контексте имеющихся нормативных средств. В сфере нормативного регулирования общественных отношений логической формой фикции является суждение – утверждение о существовании неких жизненных обстоятельств, которые на самом деле не существуют, с целью создать фактическую базу для применения соответствующей нормы, либо для формулирования соответствующего правила поведения. Таковыми, то есть фиктивными, могут являться нормы, предписывающие соответствующее поведение.

Второй параграф «Природа и функции фикций в юриспруденции» посвящен систематизации основных направлений интерпретации природы юридических фикций в юриспруденции, способов определения их функционального назначения в праве.

Анализ научного дискурса приводит к выводу о том, что в юриспруденции сложилось два методологических способа изучения природы юридической фикции – количественный и качественный. Количественный ориентирован на

определение природы юридической фикции, исходя из ее сопоставления с другими правовыми явлениями, нетипичными предписаниями, прежде всего, презумпцией. Качественный исходит из необходимости выделения наиболее существенного признака фикции, позволяющего определить его юридическую природу, место в правовом регулировании, особенности функционирования. Подчеркивая эвристическую значимость обоих критериев в изучении юридической фикции, их взаимосвязь в процессе определения особенностей этого явления, указывается на методологическую зависимость выяснения сходства и отличия фикции и других явлений от определения ее наиболее существенных характеристик, что обуславливает значение качественного критерия.

Наиболее распространенными в юриспруденции положениями, обосновываемыми в рамках и количественного и качественного критерия, является признание фикции способом формулирования права, при котором юридическая ситуация создается при незнании или явном и добровольном противоречии с конкретной естественной реальностью. К такого рода положениям относится и признание того, что нормативные характеристики юридической фикции проявляются в отражении некоторых (возможно и скорее всего не существующих) условий, которым придается роль правовых фактов, что ее упорядочивающее влияние заключается в создании посредством нее смысловой и фактической основы правоприменительного акта в ситуации, когда обнаружена, имеет место своего рода «невосполнимая неизвестность». Важную роль играет и положение о том, что основной функцией юридической фикции является преодоление правовой неопределенности, для восполнения которой необходимо использовать различные средства юридической техники, в том числе и фикцию.

В контексте качественного критерия выделяются узкий, широкий (общий) и нормативный подходы к интерпретации юридической фикции. Согласно узкому подходу юридическая фикция рассматривается либо как прием юридической техники, либо как несуществующий факт, имеющий соответствующие юридические последствия. Между тем, определение юридической фикции как юридического факта противоречит сложившемуся пониманию юридических

фактов как конкретных жизненных обстоятельств, имеющих юридические последствия, поскольку фикция по смыслу термина – это всегда вымышленные обстоятельства, выдаваемые за реальные. отождествление же юридической фикции с приемом юридической техники выводит само явление фиктивности за пределы юридической императивности, которая может существовать лишь в правовой норме. В связи с этим широкий подход можно рассматривать как попытку разрешения указанного противоречия.

Положительной стороной широкого (общего) подхода является определение методологических истоков отождествления юридической фикции с юридическим фактом, либо с приемом юридической техники, которое состоит в том, что в одном случае предметом исследования является нормотворческая деятельность, а в другом случае правоприменительная практика. Практика же применения юридической фикции и в той, и в другой сферах позволяет рассматривать ее с более общих позиций.

Узкий и широкий подходы обладают своими преимуществами, выделяя соответствующие признаки юридической фикции важные для ее изучения. Однако абсолютизация данных признаков, их сведение к наиболее существенным характеристикам юридической фикции может вести к неполному раскрытию ее юридической природы, выражающемуся, с одной стороны, в суживании ее понятия до частных проявлений в нормотворческой и правоприменительной практике, а с другой стороны, в его расширении, выходящим за пределы собственно юридических явлений. Нормативный подход более последователен в решении исследовательской задачи, раскрывая юридическую природу фикции, обобщая частные проявления в ее нормативном определении, не отождествляя юридическую природу этого явления и ее проявление с функционированием на уровне нормотворчества, правоприменения и правореализации, и суживая объем данного понятия, ограничивая его исключительно юридической природой.

В нормативном смысле фикция - это нормативное положение императивного общеобязательного характера, благодаря ее официальному признанию и закреплению в законодательстве. Нормативный подход позволяет выделить ее

существенные компоненты – социальный, юридический и технико-юридический. В социальном контексте юридическая фикция порождается ситуацией невозможной неизвестности, в юридическом - правовой неопределенностью, требующей восполнения недостающих звеньев в правовом регулировании общественных отношений, в технико-юридическом – в конструировании формальных юридических условий, позволяющих преодолеть формализм права, обеспечивая реализацию его цели в условиях невозможной неизвестности. Это позволяет сформулировать общеправовые, частные и отраслевые группы функций юридической фикции.

Третий параграф «Сравнительно-правовой метод в исследовании феномена фикций» посвящен оценке методологии изучения юридических фикций в современном правоведении, выяснению методологической сущности сравнительного правоведения, его роли в развитии теории юридических фикций.

Перечень применяемых методов в изучении юридических фикций чрезвычайно широк, включая как общенаучные, так и частнонаучные методы, как методы теоретического, так и эмпирического исследования. В контексте настоящего диссертационного исследования, особое значение имеют структурно-функциональный, логико-языковой, исторический и др. методы. Учитывая тенденцию к обобщению знаний о юридической технике, представляет интерес исторический подход (метод) к ее изучению, который используется в процессе решения следующих исследовательских задач, а именно: во-первых, при выяснении природы юридической фикции, ее сущности как явления права, когда историческая ретроспектива позволяет проиллюстрировать элементарные, наиболее простые и устойчивые признаки этого явления, проявившиеся впервые в праве древних обществ; во-вторых, при рассмотрении доктринальных особенностей изучения юридических фикций, традиции применения тех или иных методов ее исследования, устоявшейся в правовой науке способов постановки проблемы и направлений ее решения, то есть как традиции, сформировавшейся в науке права вообще либо в национальной правовой науке; в-третьих, при со-

поставлении современного применения юридической фикции с ее применением в римском праве, общем праве, правовых системах иных государств. Обладая несомненными достоинствами, исторический метод имеет и свои границы, выражающиеся в том, что в его рамках не ставится задача определения юридической природы юридической фикции, ее сущности.

Исходя из этого, чрезвычайно возрастает роль сравнительного правоведения. Выяснение специфики применения юридической фикции в различных правовых системах является средством выяснения универсальной природы этого явления, его сущности и форм проявления в юридической практике. Применение сравнительного правоведения в процессе исследования юридических фикций сопряжено с решением узкой и широкой задач: в изучении опыта применения юридических фикций в правовых системах с целью выявления положительного и отрицательного опыта, который можно применить в юридической практике своей страны; в выяснении универсального содержания юридической фикции посредством сопоставления ее особенных проявлений в соответствующей правовой системе. Такое использование сравнительно-правового метода имеет особое эвристическое значение для дальнейшего изучения юридической фикции в фундаментальной правовой теории нашей страны, поскольку обобщение особенностей понимания фикций в мировой юридической практике может стать предпосылкой получения новых научных результатов в теории юридической фикции.

Во второй главе «Особенности понимания фикций в мировой юридической доктрине», состоящей из трех параграфов, исследуются основные этапы эволюции отечественных доктринальных представлений о юридических фикциях, особенности каждого из этапов этой эволюции, особенности толкования фикций в романо-германской и общей системе права.

Первый параграф «Доктрина фикций в российском правоведении» посвящен анализу концептуальных методологических особенностей эволюции теории юридических фикций в отечественном правоведении, ее основных этапов, системе факторов ее обуславливавших.

Рассматривая доктрину фикций в российском правоведении, выделяются три основных этапа ее эволюции: классический, советский (постсоветский) и современный. В диссертации показано, что каждый из этих этапов обладает спецификой. Так, особенность классического этапа заключалась, во-первых, в значительном влиянии на русское правоведение западной правовой науки; во-вторых, в не востребованности теории юридической фикции юридической практикой, недостаточным развитием права, которое имело дозволительный характер; в-третьих, задачами зарождающейся юридической фикциологии, состоящими в определении предмета изучения и выражающимися в необходимости выделения самых общих признаков юридической фикции, отличающих ее от других правовых явлений. Положительным результатом данного этапа является то, что исследования юридической фикции носили комплексный характер, использовали историческую методологию, также как и логико-правовой, логико-языковой анализ. Результатом научного изучения юридической фикции на этом этапе следует признать отказ от ее широкого толкования как приема мышления и утверждение ее логико-правовой природы как приема юридической техники.

Особенностью советского периода эволюции правовой доктрины в сфере изучения юридических фикций является фрагментарность данных исследований, причиной которой следует признать невостребованность разработки этой проблематики крайне идеализированным советским правопониманием. Обобщение же крайне немногочисленных, но имеющих место в советском правоведении точек зрения и подходов к интерпретации данного явления позволяет определить теоретико-методологическую тенденцию, состоящую в выяснении наиболее существенных признаков этого феномена посредством сопоставления с другими сопряженными с фикцией правовыми явлениями. Это может свидетельствовать о начальной стадии разработки доктрины в этой области, задача которой заключается в выделении предмета исследования посредством соотношения соответствующего явления с другими явлениями.

Необходимо отметить и позитивные тенденции на завершающем этапе эволюции советской доктрины правовой фикции, которые сводятся к стремлению теоретиков на основе обобщения знаний в этой сфере сформулировать общетеоретическое определение юридической фикции. Так, выделение логико-правовой, материальной и функциональной сторон юридической фикции, состоящих, соответственно, в ее интерпретации как несуществующего положения, признаваемого существующим, в ее нормативной природе, в решении задачи внесения определенности правоотношений, правового статуса личности привело к доминированию инструменталистской концепции юридической фикции как приема юридической техники и оказало значительное влияние на развития теории юридической фикции в современный период эволюции правовой доктрины.

Доктринальные особенности современного периода исследования юридических фикций заключаются в поиске общих оснований этого юридического явления, выработке новых методологических средств анализа, в стремлении сформулировать общий интегрирующий подход к определению их юридической природы, позволяющий раскрыть закономерности их возникновения и функционирования в различных отраслях права. В связи с этим основной тенденцией эволюции правовой доктрины в этой сфере является повышение роли межотраслевых, теоретико-правовых исследований, способных решить проблему определения сущности юридической фикции, играющих важную методологическую роль в ее отраслевом исследовании. Поэтому, очевидно, что в российской юриспруденции формируется научная традиция юридической фикциологии, которая в настоящее время существует в виде применяемой методологии исследований в этой сфере, а также в признании юридическим научным сообществом сфер распространения и перечня признаков юридических фикций. Так, юридические фикции в российской правовой науке принято рассматривать, исходя из сферы существования (теоретические и нормативные) и отраслевой принадлежности (материальные и процессуальные), по степени вероятности (императивные и диспозитивные). При этом признаками конвенциональной

истинности обладают следующие признаки юридической фикции: условность, непроверяемость, универсальность, взаимогенерируемость, наличие цели применения, формальность, категоричность, произвольность, исключительность, ограничительный характер толкования, очевидность, легальность, фактичность.

Второй параграф «Особенности толкования фикций в романо-германской системе права» посвящен изучению основных тенденций изучения фикций в романо-германской системе права, теоретико-методологических основ доминирующих подходов в ее интерпретации.

Подробное изучение особенностей толкования фикций в романо-германской системе права, приводит к выводу, что оно распределяется между двумя основными подходами – логическим и социально-философским. При этом получает широкое распространение методология исследования фикций, связанная не только с анализом их юридико-технических характеристик, восходящая к ее истолкованию как приема юридической техники (Р. Иеринг), но и с ее аксиологическими, социально-психологическими и ментальными аспектами. Основной же тенденцией эволюции доктрины юридической фикции в романо-германской системе права, очевидно, является юридическая логика без экзистенциальных предпосылок (свободная логика).

В диссертации показано, что в контексте логического подхода получило распространение когнитивная установка в изучении юридической фикции, состоящая в ее рассмотрении как универсального логического приема, характерного для всех сфер познания и деятельности. В этом смысле она представляет собой интеллектуальную параллель познавательной деятельности естествознания, либо финансовой деятельности и пр. Основополагающее значение для выяснения природы юридических фикций имеет концепция единства права, рассматривающая идею единства права как научную и правоприменительную фикцию, без которой право не могло бы выполнять свои регулятивные функции.

Общеметодологической основой современной доктрины юридических фикций в романо-германской системе права является идеалистическая фикциология Г. Файхингера, в рамках которой были сформированы основные принципы логического подхода к интерпретации фикций. Г. Файхингер, давая логическое обоснование юридическим фикциям, установил их общие признаки в различных сферах научного знания, их классификацию, исследовал такие виды фикций, которые ранее нигде не упоминались и не рассматривались до настоящего времени российскими правоведами. Восходящий к средневековью спор об универсалиях он проецирует на правовую реальность, объявляя общие понятия (универсалии) фикциями. Так, не потеряла актуальности предложенная теоретиком классификация фикций: персонифицированные фикции; номинальные фикции; обобщающие фикции; абстрактные фикции; отрицательные фикции; эвристические фикции. При этом большое методологическое значение имеет раскрытие содержания эвристической фикции, в котором «нереальное» (возможно, заведомо ложное) заменяется на что-то «реальное» (а точнее, считаемое за истину). Условием применения этой фикции является то, что ее содержание не должно быть противоречивым, хотя обуславливаемый этой фикцией юридический факт и не существует (по крайней мере, в силу его неустановленности) в объективном мире, но все же признается законодателем существующим опытно-умозрительным путем, субъективно (например, «признание физического лица умершим в судебном порядке» и др.).

Обосновывается вывод, что главной особенностью интерпретации юридических фикций в романо-германской системе права является эвристическая методология, согласно которой для юридического разрешения реальных проблем в национальной правовой жизни на законодательном уровне обосновывается возможность использования утверждений о «признании нереальных (а в рамках классической теории истины – ложных) фактов» в качестве существующих и истинных, в целях подготовки «правильного» (и в материально-правовом, и в процессуально-правовом планах) правового решения конкретной проблемы. Эвристическая методология возникла в рамках и в силу потребно-

стей юридической практики, когда выдвигаемая правоприменителем гипотеза опиралась на недостаточные или даже заведомо ложные (но признаваемые законодателем истинные) факты, юридические факты, служащие основанием для вынесения различных (например, судебных) решений.

Третий параграф «Особенности толкования фикций в системе общего права» посвящен теоретической оценке особенностей понимания фикций в системе общего права, как обусловленной особенностями применения фикций в праве теории, основанной на эвристической методологии их интерпретации.

Сравнительный анализ доктрин фикций романо-германской и общей систем права, приводит к выводу, что их общие представления идентичны. Доктрина исходит из того, что фикция присуща всем сферам бытия человека, общества и государства. В праве фикция рассматривается в качестве естественного «несовершенства», присущего всякому законодательству, при этом конструируется исключительно «волей законодателя», опирающегося на сложившиеся в том или ином государстве и обществе, в определенный исторический период принципы и цели правового регулирования и охраны важнейших общественных отношений, накопленный социально-правовой опыт, возможные рецепции (особенно в условиях правовой системы переходного типа) и др., и не имеет «экзистенциальных» предпосылок. Законодатель вынужден отойти от классической концепции истины и признать, что конструируемое им заведомо не существующее положение дел на самом деле (собственно, в юридической, но не в фактической «реальности») существует, является юридическим фактом, обладает «правовой императивностью». Так, фикция в праве стремится устранить противоречие между установленным законом (и затем, получившим свою практическую реализацию в судебных решениях, приговорах, иных правоприменительных актах) юридическим фактом и имеющей место действительностью, фактическим положением дел.

В логико-правовом измерении юридические фикции в этой доктрине получили двойственную интерпретацию: особое нормативное утверждение, применяемое в правоприменительном процессе, с полным или частичным осозна-

нием субъектами последнего семантической ложности этого утверждения; фактически ложное утверждение, признанное законодателем практически полезным и наделенное качеством юридической императивности. Признание неизбежности юридической фикции не исключает вероятности избавления от этих конструкций. При этом постулируется два метода преодоления фикций в праве: это отклонение (отказ от утверждений, которые считаются фиктивными) и перераспределение (изменение лексического значения используемых в этом нетипичном нормативном предписании категорий).

Обращаясь к анализу юридической практики, приходим к выводу, что юридические фикции, используемые в системе общего права, обладают рядом особенностей, отличающих их от юридических фикций, используемых в романо-германской системе права: если фикция в романо-германской системе права предполагает грамматическое признание своей ошибочности, то фикция в системе общего права преимущественно является утверждением факта, обстоятельства, фиктивный характер которого очевиден. Не смотря на это, юридические фикции имеют одно логическое и социальное основание, которое состоит в том, чтобы соизмерить юридический результат ее применения с некоторой его социальной, логической и др. предпосылкой. Поэтому в доктринально-правовом контексте фикции рассматриваются как метод построения эвристически важных общих теоретических понятий, таких как, «правовая семья», «юридическое лицо», «государственность», «законность», «формальный состав преступления», «абсолютные правовые отношения» и др., восполняющих логико-понятийные пробелы явлений, таким образом, включенных не только в правовое познание, но и в национальную правовую систему, глобальное правовое пространство. В логико-семантическом плане неопределенность юридических понятий затрудняет применение критерия истинности/ложности, поскольку они отражают не реальные события, а юридические факты, границы которых менее определены. Такая неопределенность составляет логико-семантическую предпосылку применения юридических фикций.

В качестве главной особенности доктрины юридической фикции в системе общего права выделяется положение о том, что использование этой особой и универсальной техники обусловлено фундаментальными свойствами права как результата осознания разнообразных форм социальных отношений. Универсальность фикциям придает мышление, особый логический строй правового сознания. Однако на фоне этой универсальности и очевидности логики фикций, возникает когнитивный парадокс, выявляющий несоответствие юридического и фактического измерения действительности, когда она обретает три ипостаси существования, являясь одновременно: предположением (метафорой) - семантически ложным высказыванием, выступающим в качестве юридической нормы; предложением -: высказыванием, которое не соответствует критериям истинности/ложности (может одновременно принимать значения и истинности, и ложности); отклонением от нормы юридического мышления. Очевидно, что такая доктринальная установка в рассмотрении юридической фикции обусловлена ее инструментальной интерпретацией как метода построения юридических норм, но не как самой нормы. Так, нормативная интерпретация юридической фикции исключает указанную логическую противоречивость в контексте деонтической логики, которой подчинены нормативные высказывания.

В заключении диссертационного исследования подводятся общие итоги проведенного анализа, формулируются основные выводы, определяются перспективы дальнейших исследований юридических фикций.

Основные положения диссертации нашли отражение

в следующих публикациях автора:

*Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:*

1. Саркисян Л.Р. Теория юридических фикций в западной правовой традиции XX-XXI в. // Философия права №3, 2012. С.109-112 (0,55 п.л.).

2. Саркисян Л.Р. Сущность и особенности юридических фикций в философии права Г. Файхингера // Юрист Правоведъ №2, 2013. С. 113-116 (0,5 п.л.)

3. Саркисян Л.Р. Юридические фикции в сравнительно-правовом измерении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №24. С.249-252 (0,6 п.л.).

4. Саркисян Л.Р. Метафорическая сущность фикции в концепции Л.Л.Фуллера // Философия права. 2014. № 2. С. 113-115 (0,55 п.л.).

5. Саркисян Л.Р. Юридические фикции в контексте развития юридической техники в России // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 23-30 (0,5 п.л.).

6. Саркисян Л.Р. Применение юридических фикций в законодательных актах США и стран континентальной правовой традиции // Евразийский юридический журнал. 2018. №1. С. 83-86 (0,57 п.л.)

Работы, опубликованные в других изданиях:

7. Саркисян Л.Р. Правовые фикции и презумпции: проблемы современной концептуализации // Традиции и новации в системе современного российского права: Сборник докладов Международной межвузовской научно - практической конференции молодых ученых. М., 2010. С. 42-44 (0,2 п.л.).

8. Саркисян Л.Р. Юридические фикции в историческом и доктринальном измерениях // XI научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. В 2 т.: Сборник докладов. Таганрог: Изд-во НОУ ВПО ТИУиЭ, 2010. Т.1. С. 132-136 (0,3 п.л.).

9. Саркисян Л.Р. Фикции в современной правовой системе: концептуальный и теоретический аспекты // Материалы Международной научной студенческой конференции. 10-12 апреля 2010года. Новосибирск, 2010. С.155-156 (0,1 п.л.).

10. Саркисян Л.Р. Юридические презумпции и фикции как приемы правотворческой техники: теоретико-методологические аспекты // Юридическая техника. 2010. №4. С. 482-485 (0,6 п.л.).

11. Саркисян Л.Р. Логическая структура правовой фикции // XII научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых: Сборник докладов. Таганрог: Изд-во НОУ ВПО ТИУиЭ, 2011. С. 82-85 (0,3 п.л.).
12. Саркисян Л.Р. Юридические фикции в правоприменительной практике // Юридическая техника. 2012. №6. С. 454-462 (0,95 п.л.).
13. Саркисян Л.Р. Юридические фикции, используемые в гражданском законодательстве // Научные труды РАЮН. Вып.12. в 2 т. Т.1/ Отв. ред.: Гриб В.В.-М.: Юрист, 2012. С. 918-921 (0,25 п.л.).
14. Саркисян Л.Р. Правовая фикция как приём юридической техники // Сборник докладов Международной межвузовской научно-практической конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, 2011. С. 32-33 (0,25 п.л.).
15. Саркисян Л.Р. Фикции в конституционном праве: теоретический анализ // XII научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. // Сборник докладов. Таганрог: Изд-во НОУ ВПО ТИУиЭ, 2012. С. 60-63 (0,3 п.л.).
16. Саркисян Л.Р. Классификация правовых фикций // Сборник докладов V Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Актуальные проблемы законодательства и права» СКФ РПА Министерства Юстиции РФ, Махачкала, 2011. С. 94-98 (0,3 п.л.).
17. Саркисян Л.Р. Логическая природа правовых фикций // Материалы Всероссийской конференции студентов и аспирантов Актуальные проблемы и перспективы развития экономики и права России на современном этапе, ИНЖЭКОН, город Кизляр, 2011. С. 144-147 (0,3 п.л.).
18. Саркисян Л.Р. Юридические фикции в трудах современных западных правоведов (теоретико-методологические особенности подходов Ф. Шоера, Х. Вайхингера и Л. Фуллера) // Материалы VII Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Актуальные проблемы правовой науки», Махачкала, 2012. С. 30-33 (0,3 п.л.).

19. Саркисян Л.Р. Philological and metaphorical origins of legal fictions // Материалы международного форума «Ломоносов- 2012», Москва, 2012. (0,15 п.л.).

20. Саркисян Л.Р. Philosophical and linguistic backgrounds of legal fictions // XIII Научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. В 3 т. // Сборник докладов. Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2012. Т.2. С.78-81 (0,25 п.л.).

21. Саркисян Л.Р. Теоретические аспекты развития правовой фикции как метода юридической техники на современном этапе // Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Управление политико-правовыми и социально\экономическими процессами в регионах» 19-20 апреля 2012, ч.1. Пятигорск. С. 41-43 (0,2 п.л.).

22. Саркисян Л.Р. Конструкция юридической фикции в трудах зарубежных правоведов // Юридическая техника 2012. №7. С. 680-684 (0,7 п.л.).

23. Саркисян Л.Р. Конституционно-правовые фикции // Материалы международного молодежного юридического конгресса «Правовая политика в XXI веке: государственный и частный интерес в праве», г. Махачкала, 2013. С. 127-130 (0,4 п.л.).

24. Саркисян Л.Р. Юридическая фикция как межотраслевая категория в западной правовой традиции XX-XXI в. // Материалы Международной научно-практической конференция студентов и аспирантов «Межсистемные и межотраслевые связи в правовой сфере», 2013, город Казань. С. 29-31 (0,2 п.л.).

25. Саркисян Л.Р. Типология фикций в работе Г. Файхингера «Философия «Как если бы»» // Материалы Международной научной конференции «Юридическая наука и развитие российского законодательства в условиях модернизации», 2013, город Махачкала. С. 44-52 (0,3 п.л.).

26. Саркисян Л.Р. Гносеологическая природа юридических фикций в работе Г.Файхингера «Философия «Как если бы» // Сборник докладов XIV научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых, 2013 г., город Таганрог. С. 66-69 (0,25 п.л.).

27. Саркисян Л.Р. Фикции в зарубежной доктрине права: демократизация юридического дискурса // Юридическая техника. 2014. №8. С. 387-392 (0,55 п.л.).

28. Саркисян Л.Р. Constitutional and legal fiction in works of the West European and American scientists // Материалы II международного молодежного юридического конгресса 25-27 апреля 2014г. «Конституция РФ основа правовой системы России», Махачкала. С. 351-354 (0,3 п.л.).

29. Саркисян Л.Р. Юридический фикционализм в зарубежной и отечественной правовой науке // Материалы международной научно-практической конференции 29-30 ноября 2014 г. «Правовая политика российского государства в XXI веке», город Владивосток. С. 84-85 (0,25 п.л.).

30. Саркисян Л.Р. Юридическая фикция: проблема истины // Материалы I международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов. 25 ноября 2014г., город Махачкала. (0,3 п.л.).

31. Саркисян Л.Р. Сравнительно-правовой анализ фикций в контексте развития юридической техники России // Материалы международного форума «Ломоносов-2015», Москва, 2015. (0,25 п.л.).

32. Саркисян Л.Р. Классификация фикций в конституционном праве: теоретический анализ // Материалы III международного молодежного юридического конгресса 28-29 апреля 2015г. «Модернизация права: особенности, средства и пути», город Махачкала. (0,25 п.л.).

33. Саркисян Л.Р. Фиктивные правовые нормы и юридические фикции: концепция Л. Фуллера в современной теоретико-методологической интерпретации // Сборник докладов Всероссийской научной студенческой конференции «Право, общество и государство: проблемы теории и истории» г. Москвы, РУДН, 24-25 апреля 2015 г. (0,2 п.л.).

34. Саркисян Л.Р. Интеллектуальная фикция как культурный феномен // Юридическая техника. 2016. №10. С. 622-624 (0,7 п.л.).

35. Саркисян Л.Р. Юридическая фикция в публичном праве // Интернаука: научный журнал. 2018. № 3(37). С. 37-39 (0,4 п.л.).

**Саркисян Лала Рубиковна
(Российская Федерация)**

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ: ЛОГИКО-ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В диссертации проведен комплексный анализ эволюции и содержания теорий юридических фикций в Западной Европе и США второй половины XIX-XX вв., а также идей отечественных правоведов прошлого и настоящего, исследовавших разные вопросы юридической техники и, в частности, сущность, процессуальную и социальную значимость юридических фикций и иных, близких к ним по ряду своих характеристик категорий (например, правовых презумпций др.). Именно в контексте поднятых в диссертации проблем ее автором привлечены разнообразные материалы по теории и философии права, истории правовых учений, научные труды советских, российских и, конечно же, зарубежных специалистов, многие из которых были впервые переведены диссертантом на русский язык.

В диссертации выявлены и теоретически осмыслены сущность и специфика юридических фикций в правовом пространстве, а также выявлены особенности использования юридических фикций в современном российском, европейском и североамериканском законодательстве и правоприменительной практике

**Sarkisyan Lala Rubikovna
(Russian Federation)**

LEGAL FICTIONS: LOGICAL AND DOCTRINAL ANALYSIS

The thesis presents a comprehensive analysis of the evolution and content of the theories of legal fictions in Western Europe and the United States of America of the second half of XIX-XX centuries. Furthermore, the legal theory demonstrates the ideas of Russian lawyers of past and present times, who studied various issues of legal technology and, in particular, the essence of procedural and social significance of legal fictions and others, close to them, numbers of its characteristics. For example, in the context of issues raised in this thesis, the author displays various materials with respect to the legal theory and philosophy of law, as well as the history of legal doctrines, scientific works of Soviet, Russian and, of course, foreign experts. Many of the foreign legal papers were translated by the author who was the first who translated these papers into Russian.

The thesis reveals and theoretically represents the essence and number of legal fictions in the legal space, and reveals the peculiarities of the use of legal fictions in modern Russian, European and North American legislation and law enforcement practice.